

“П

овестям и рассказам Будакова присущи исповедальный характер письма, сочетающийся с философскими размышлениями о жизни, чувство исторической панорамности в восприятии родины, боль и вина перед погибшими. Страницы многих произведений Будакова пронизаны чувствами сострадания и милосердия, преодолевающими зло». Так охарактеризовал творчество писателя Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (Биобиблиографический словарь «Русская литература XX века...» — М., СПб., 2005). Подобная характеристика во многом предвосхищает и разделяет суть давно звучащих многочисленных статей, рецензий, откликов на произведения, из которых сложилось недавно вышедшее в свет 10-томное собрание сочинений писателя (Воронеж: Научная книга, 2014–2021).

Это издание — явление в отечественной литературе. Совсем не случайно его редколлегия состоит из имен российского звучания, а столица и Воронеж представлены важнейшими образовательными, культурно-литературными центрами: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Институт славяноведения РАН, Литературный институт имени А.М. Горького, Воронежский государственный университет, Воронежский государственный педагогический университет.

В собрании сочинений даны тексты из разных книг Виктора Викторовича Будакова, заслуживших российское признание: «Миронова гора», «Отчий край Ивана Бунина», «В стране Андрея Платонова», «У славянских криниц», «Великий Дон», «Воронеж-град», «Одинокое сердце поэта», «Времена и дороги», «Подвижники русского слова», «Путеводная нить», «Честь имею. Андрей Снесарев: на полях войны и мира», «Воронежские литературные имена»... Иные из них — с предисловиями или оценками писателей, поэтов, ученых, журналистов, педагогов, деятелей культуры, общественных деятелей. Среди них — А. Абрамов, В. Акаткин, И. Акулов, В. Афанасьев, В. Баранов, Е. Белозерцев, С. Бирюков, В. Варава, П. Варфоломеев, Л. Вахтель, Ю. Верольский, Т. Виткалова, В. Воротников, В. Ганичев, А. Гачева, В. Гордейчев, В. Гусев, И. Даниленко, Б. Дыханова, И. Евсенок, А. Жигулин, Л. Злобина, Ю. Иншакова, Д. Кан, М. Картавцева, В. Кораблинов, В. Крупин, Ю. Кублановский, О. Михайлов, В. Лихоносов, А. Любомудров, В. Невярович, В. Никитин, В. Новохатский, Е. Новичихин, В. Перегудов, В. Песков, В. Подколзин, В. Положенцев, В. Распутин, Й. Станишич, Б. Стукалин, В. Стручкова, М. Слинко, И. Шафаревич, А. Тахо-Годи, В. Тонких, В. Шаповалов, В. Шуваев, И. Щёлок, Л. Южанинов и многие другие. География откликов: Архангельск, Белгородщина, Балашиха, Бийск (Алтайский край), Брянск, Волгоград, Воронеж, Грозный, Елец, Иркутск, Кострома, Краснодар, Курск, Липецк, Москва, Новгород, Новосибирск, Орел, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Смоленск, Тамбов, Тула, а также Донецк, Запорожье, Киев, Харьков, Минск, Могилев, быв. Кенигсберг, Кыргызстан, Греция, Чехия, Черногория...

Том сопровождает обстоятельный, информационно полный, дающий философское, историческое, художественное, педагогическое и нравственное осмысление творчества писателя аналитический комментарий, в котором раскрывается каждый период творчества Будакова и каждое произведение в отдельности, приведены отзывы современников.

«Виктор Будаков, который видит свою миссию в сбережении всего лучшего, настоящего, истинно ценностного, не только читается, но и исследуется на родине и странах Содружества, — отмечается во вступительном слове к объемному сборнику откликов, рецензий, исследовательских работ, монографических страниц, методических разработок «Писатель и просветитель. Характеристика творчества Виктора Будакова в терминах писатель и просветитель...» (составитель В.В. Стручкова, Воронеж, 2018, 320 с.). Нередко та или иная художественно раскрываемая им тема осмысливается в статьях писателей, поэтов, журналистов, творцов и деятелей культуры, ученых — историков, педагогов, филологов, литературоведов, философов. Иная тема, подчас прорисовываемая несколькими штрихами, могла бы стать основой для уроков, школьных сочинений, студенческих работ, для оригинальной диссертации.

Каковы же главные темы творчества Виктора Будакова, важные для школы, вуза, библиотеки, для художественного и нравственного воспитания молодежи? Что наиболее воплотилось в его прозе, поэзии, публицистике? Мгновенность и вечность жизни; земля и небо; Бог и человек; эпохальное и сиюминутное; философия войны и мира; православие как одно из корневых начал русского и восточнославянского мира, национальное и всечеловеческое в сюжетах, образах, картинах, отчий край и весь земной шар; история отечественная и всемирная; Дон — геополитическая, историческая, национальная река; путь Дона и Воронежа в течении отечественной и мировой истории; малая родина через образы ее великих подвижников культуры, литературы, науки; эпохи и дороги человека и человечества; отцы и дети; тема детства, особенно, послевоенного детства; семья как приобретение и потеря; темы верности и предательства, любви и ненависти; темы искусства и подмены искусства, извращения вечноприродного, Божественной человеческой сути; природа и человек; деревня и город; тема провинциальной, уездной Руси; духовное и материальное; разломы человеческой души и т.д.

Тема, обозначаемая в таких формулах, как «отчий край и земной шар», «от малой родины — к родине большой, от родины большой к истории планеты и человечества», «малая родина — большая родина — земной мир», «Родина и Вселенная», по сути является новаторской, глубоко прочувствованной и отображенной в творчестве Виктора Будакова, на что указывают и общественное мнение, и академическая наука.

Тематическому богатству соответствует и жанровое разнообразие. Здесь, как отметил поэт Владимир Шуваев, «стихи, пронизанные нефальшивой любовью к Отечеству. Глубокая реалистическая поэма. Блестящая беллетристика. Исторические и биографические повести. И все это в одном авторе и человеке. Воронежец Виктор Будаков. Наверное, со времен Владимира Солоухина не найдем мы равной фигуры в российской литературе по разнообразию литературных дарований»; здесь же — злободневная мужественная публицистика, философские эссе и краткостишия, лирические очерки и этюды...

Первый том (*Рассказы*) включает страницы данного жанра на протяжении долгих лет. Отношения деревни и города, отцов и детей, военное и послевоенное детство, жизнь и искусство — вот далеко не полный охват тем. В горе и радости мы видим наших современников. Выявляется картина поступательной жизни человека от раннедетских лет до старости. Но это и картина жизни страны и мира. У Будакова за обыденным всегда присутствует нечто такое, что во все времена волнует человечество. Заключительную часть тома занимают рассказы-притчи («Последняя точка в маршруте», «Пригородный поезд», «Мой странный великий друг», «Усталая женщина Клио»), в которых художественно осмысливается ломаное движение человека, страны, мира, иррациональные или по воле людской изломы человеческой истории.

В рассказах писателя отсутствуют черные и белые крайности. Даже его отрицательные персонажи не безусловны в своей «отрицательности», писатель нередко сострадаетелен к таким антигероям.

Послевоенное время показано глазами детей тех лет. В рассказе «Вишня» ребята, воображая старинную Засечную Черту, играют в войну, пока еще неосознанно объемля дали времен: в их воображаемом распоряжении пулеметы и... стрелы. Война, как великое национальное потрясение, обнажает души и чувства людей, ломает судьбы. В рассказе «Темная ночь» Будаков тонко рисует человеческие характеры, судьбы героев, совершенно по-разному относящихся к прошедшему, — в финале они неразделимо переплетаются. В рассказе «Усталая женщина Клио» автор предупреждает: человечество находится на грани самоуничтожения, а технический прогресс, если ему не поставить предел, — сомнительное благо, скорее угроза с трагически предсказуемыми последствиями. Вопросы и нравственные категории — традиционные, но у писателя на них — свой, особый взгляд.

Произведения Виктора Будакова можно не только прочувствовать эмоционально, но и зримо «прокрутить» в своем воображении. Природа, пейзаж являются органической частью любого его повествования. «Белым видением мерцает из зеленой чащобы береза. Салатово смуглеет осина. Листья дикой груши едва начинают желтеть...» Автор, словно вдохновенный художник, размашисто и щедро рисует «полей цветастые платки». Однако и здесь присутствует связь и сравнение с былым: нежно-зеленое поле прежде было черно-багровым полем битвы; яблочные пни — это пасынки войны; мы «идем по июню», а если нам больно, то — осколочно...

Второй том (*Короткие повести*) составлен из цикла малострочных эссе «Волны» и действительно коротких повестей. Первые, хотя и объединены по темам, видятся единой картиной. Так же — и короткие повести. Послевоенное детство, которое автор сравнивает с современным, — содержательная основа повести «В Стародонье вода светла». По расхожему мнению, назад в детство дороги нет, но у писателя по ней идут герои его произведений, читая, по ней идем и мы. А художнику Лукьянову из «Осокоревого круга» и вовсе удается поймать «ветер из детства».

Уже в своих ранних произведениях Будаков показал себя мастером образности, зримых изображений. Порой ему хватает двух-трех штрихов, чтобы создать портрет или представить целое явление. В повестях об учительстве вопрошается: надо ли искать погибших, ведь боль живых с годами не столь резка, а ты снова сыплешь соль на раны? Ответ однозначен: «Человек тем и человек, что у него болит. Отними у него боль, отними память — что останется?» Однако в повести «Трое на выцветшем снимке» утверждается, что человек не может жить только страданием, хотя, по словам одного из героев, «именно оно, прежде всего, и подвигает его к духовным, нравственным высотам». Те же мотивы звучат и в коротких эссе: «У памяти своя боль... У памяти особое зрение, и она видит то, чего давно уже нет, она умирает и заново рождается в лучших из нас...»

Картины послевоенных лет зачастую обыденны. Уже потом вернувшись с войны односельчане обретут заслуженный ореол героев. А в первые месяцы после возвращения вчерашние солдаты сталкивались с трудностями совсем не материальными.

Вместе с тем, у Будакова очень значима символика. В коротком рассказе «Дождаться осени» Афанасий Данилович во сне пролетает в небе над родными местами, руки разметав крестом. Похож на серебристый крестик мирный самолет в серебристом куполе неба. Да и те же вишни из одноименного рассказа, срубленные иноземными захватчиками, распластались по белой стене хаты настоящим распятием.

Насквозь символичны смыслы коротких повествований «Молчание» и «Друзья-однополчане». Мы видим два круга: круг смерти и круг жизни. Первый очерчен погибшим на войне отцом, его сын подорвался на mine уже после победы. Во второй круг вместились вернувшийся отец-герой и живой сын. В круге смерти род оборвался, в круге жизни — продолжился. Здесь же — незримые, но ощущаемые образные линии. Бакенщик, словно некая точка отсчета «до» и «после» войны, река, отчетливо разделяющая пространство и время, мосты, эту реку соединяющие... Своеобразным перевозчиком из круга жизни в круг смерти и обратно служит лодка. Она же является и вместилищем нравственного разделения, ибо в ней спасают жизнь человеку с нечистой совестью — вот образец строгой геометрии координат вкупе с многоцветной и обостренной поэтикой.

Третий том (*Стихи разных лет*) — поэтический. Книга открывается «Тревожным глобусом» — сборником ранних стихотворений. Трагичность исторического пути родины и человечества развивается в циклах «Тревоги», «Разломы», «Ветер Родины». Раздел «Снежный край» окрашен в лирико-философские тона, в нем — авторское слияние с природой, его обращение к истокам жизненным и литературно-художественным. Том состоит из сборников и разделов, каждый из которых самостоятелен тематически.

Виктор Будаков (справа) и Валентин Распутин

Особый цикл — «Листья», в котором в лаконичной форме краткостиший раскрывается философия жизни, земное и небесное, человеческое бытие на вершинах, в разломах и провалах. Главные авторские темы (память, война, родина, человек земли и неба, трагические судьбы славянского мира) прослеживаются в вошедших в том сборниках «Судьба», «У славянских криниц», «Белая моя Россось». В последнем с особой силой звучит песнь отчуму краю. В аналитическом комментарии отмечено, что «перу Будакова подвластны все виды лирики, но предопределившей направление его творческого пути, его особого места в современном литературном мире стала лирика *отчуму краю*». «Когда проезжаю воронежские места моей матушки (Россось, Лиски, да и сам Воронеж), — пишет лауреат Государственной и ряда иных премий, замечательный русский писатель-лирик Виктор Лихоносков, — непременно вспомню Виктора Будакова, прославляющего свой черноземный край стихами, этюдами, лирическими путеводными очерками. И — завидую ему. Я вот не могу написать “Белая моя Россось”, хотя с молодости мечтал хоть немножко пожить в этом городке с трехъярусной колокольней, с хохлацкими мазанками по окраине его, поездить по ближним и дальним деревням и добираться до матушкиной Бутурлиновки (а там и до ее колыбели — села Елизаветино). С нежностью выстраивать слова о хуторах и деревнях, о речках и заброшенных церквях — значит любить и жалеть родное. Сейчас все пишут кто во что горазд, все в прозе и в стихах крестятся и молятся. А Виктор Будаков припадал к старозаветным источникам еще в пору, нежеланную для проявления православных сочувствий. Я благодарен ему не только за воронежские мотивы. Давно-давно прочитал я в “Подъёме” о местах бунинских: о Каменке, Озерках. И перед поздней поездкой в родовые гнезда Бунина заглянул опять в будаковские записи. И в эту минуту привета я взмahiваю ему рукой не из Краснодара, а как раз из тех любимых русских уголков, которые он много раз обошел, объездил и расписал своим пером — из Огневки, Каменки и Озерок, от колодезей Ольховатки, из реликтового Ельца и ... с лугов и тропинок матушкиного “Россосанского уезда”...”»

Том четвертый (*Великий Дон. Воронеж-град*) — тоже стихотворный, правда, с двумя лирико-прозаическими предисловиями; том содержит произведения, в которых Виктор Будаков раскрывается как талантливый историк с редкой генетической памятью. В главе «Бакены в тумане» явлены судьбы русских людей, «разделенных цветами стягов». Это белый генерал Каледин, геополитик, военный мыслитель и ученый Снесарев, писатель Крюков, поэт Туроверов, великий философ Лосев, великий писатель Шолохов...

В критике, посвященной анализу творчества писателя, сразу же по выходе в свет было подмечено, что композиционные особенности книги «Великий Дон» сходны с составлением мозаики, «ведь повествование о Доне сложилось из многих, разных по форме и смысловым оттенкам стихотворений».

Панорамная ретроспектива раскрывается и в «Воронеж-граде». Мы видим славянскую крепость, узнаем петровские дни корабельного строения, проникаемся «нестареющими именами» и силуэтами ушедшего довоенного и военного города. Сам город для Будакова — живой организм. Он любит, страдает, сопереживает, ибо его населяют люди. По мнению писателя, «судьбу и характер города определяют явления глубинные, плодотворно-протяженные, национальные — как придонская степь, что перетекает из курганной древности в современность, и есть почва, родина и жизнь. А бывает и так: штрих всего лишь, но и он неизбежен в историческом рисунке города — как вороний грай в Петровском сквере, который разносился здесь и век, и тысячелетие назад, когда еще безымянною была эта пядь».

Наш земляк, председатель Госкомиздата СССР, выдающийся организатор журналистского, литературного, издательского дела в стране Б.И. Стукалин в переписке с автором о «Великом Доне» и «Воронеж-граде» сказал так: «Будь моя воля, я бы рекомендовал Ваш труд в качестве обязательного пособия школьникам при изучении отечественной истории».

Главы пятого тома (*Отчий край Ивана Бунина. В стране Андрея Платонова. Летописец Воронежского края. Подвижник эпохи советской. Одинокое сердце поэта. Певец родины малой и большой. Отечество и мир запечатлевший*) сложились в удивительное путешествие в мир писателей — уроженцев и жителей Черноземного края: Бунина, Платонова, Кораблинова, Стукалина, Прасолова, Жигулина, Пескова.

В повествовании о Буinine, «строгом и честном изболочителе подмен», автор в очередной раз демонстрирует редкостный дар плавно переходить от прозы к поэзии. Весьма характерно высказывание черногорского поэта и литературоведа Йоле Станишича: «Прочитав книгу В. Будакова “Отчий край Ивана Бунина”, я восхитился смелостью и проникновенностью автора, возрождающего своими словами, своим творческим стремлением мир Бунина, его детство и юность, его судьбу на печальных дорогах разлуки с родиной».

В строке Платонова, «великого сострадателя человеку и травинке», — «гул и тишина, кротость и дерзость, полевая тропинка и Млечный путь, отчий порог и Вселенная». У автора свое измерение Платонова — через время и пространство, через историю и преемственность поколений: «Через близкую Заставу два века как пролегла Задонская дорога, по которой, встречаясь и уходя, брели труженики, паломники, странники... За каждым странником угадывалась судьба человечества, как за Ямской свободой — судьба мира».

В повествовании о Кораблинове — поведенные Будакову воспоминания Владимира Александровича о своей жизни. Это настоящая русская повесть, где о страшном и горьком написано просто и как бы обыденно — то есть так, как и проходит жизнь. Подобное чувство свойственно мировосприятию русского человека, при всех непогодах любящего родную землю. Читая о Кораблинове, мы видим мир и глазами Владимира Александровича, и глазами автора.

«Поэтический дар, позволяющий с отчей пяди земли проникать времена и пространства», роднит Будакова и Прасолова. Прасолов «...видел далекие страны, города, моря. Далекие и близкие лица. Вычитанные в книгах или однажды увиденные на полотнах художников, в кино, они шли к нему... Земля в травах и небо в звездах имели свои, обращенные к нему голоса. Он слышал их, понимал, он верил, что все — именно так». Наверное, смысл короткого рассказа «Кругозор запредельный» из второго тома в чем-то раскрывает личность каждого серьезного поэта, обнаженным сердцем воспринимающего мир. Суть рассказа в следующем: из двух героев один сир и наг, второй успешен. Первому снится сон, в котором он, теряя сознание, проваливается в бездонный колодезь и вдруг снова видит небо и себя на высоком-высоком холме, откуда открывается вся земля и все, что на ней творится и творилось. Там «такое спрессованное пространство и спрессованное время». Но то — сон или видение. В реальности же удел героя — винные стойки. А где же настоящая реальность? Как понять, а если понять, как выйти из печальной действительности в надмирное? Автор пишет: «Может быть, и в каждом человеке пребывает демоническое. Притаенное. Или спящее. Или подавленное. В поэте — более других...» Здесь — или победить демона, или подчиниться последнему.

Примечательны очерки об Анатолии Жигулине, Василии Пескове, с которыми Виктор Будаков был дружен. Очерк о Стукалине представляет лишь каркас будущей книги, но даже в таком виде он является рельефным слепком времени с ароматом ушедшей эпохи — именно Борис Иванович сумел объединить воронежцев-литераторов той поры и многим дал путевку в большое литературное плавание.

Виктория Стручкова, автор книги «Волны «Великого Дона» (Москва, 2009), составитель собрания сочинений и аналитических комментариев, говорит о Будакове как о достойном продолжателе традиций русской классической литературы, одновременно отмечая новаторство и в разнообразии тем, и в формах их раскрытия. Впитывая и переосмысливая лучшие традиции мировой и отечественной литературы, он так ска-

зал «про новое», что в этом новом, как и в традиционном, оказался понятным и современниками, и подрастающим поколением.

Многие из произведений писателя не вмещаются в строгое определение какого-либо жанра. Другие не просто разноплановы, но многомерны. К примеру, в рассказе «Яблоки» (по методической разработке этого рассказа, опубликованного в 2014 году в журнале «Литература в школе», проводятся уроки в старших классах школ и гимназий) критики справедливо отметили свойственное автору ощущение связи с античностью. Поход с отцом в соседнюю Николаевку сродни походу Геракла на край света за яблоками Гесперид. Сохранившийся от войны яблоневый сад — чудо, уголок рая. Тогда их не было даже на православный праздник яблочного Спаса. В «Яблоках» картины бедности и войны точны и лаконичны. А Николаевка — сплошь тайна, неразрывно переплетенная с реальностью. Рассказ пронизан метафорами. Даже тучу можно воспринять как требующего жертв мифического громовержца. И когда отец высыпал мешок яблок в реку, подобное воспринимается как жертва богу воды и — как награда прозревшим.

Для юного героя рассказа Николаевка вместе со сказочностью утратила и некую безликость, зато родилось не менее волшебное-поэтическое чувство живой частицы Родины, «как родной сестры моего Нижнего Колодезя». Волшебство никуда не делось. По словам философа и писателя Владимира Варавы, «Родина — это рай» пресуществляется в глас Неба: «рай — это Родина».

Что такое Родина? «...Это когда сворачивается в жилах кровь от того, что долго не видишь излуки Дона, Осокоревого круга, Польшинь-горы; это когда сильнее всех нарисованных картин радостно захватывают дух цветущие сады; это когда звонкий крик слободского ребенка наполняет душу надеждой и всего тебя пронизывает бессмертием, как если бы это был твой собственный ребенок». Так пишет в одной из своих повестей Будаков.

Уже в ранних его стихотворениях малая и большая родина сродни Вселенной, где незримая нить связывает большой Мир и его родной Нижний Карабут. «Есть большая Россия — большая земля, / Продолженье моей слободы». Позже он напишет: «Сознание русского народа всегда было панорамным. Сферическим. Космическим». Вспомним платоновское: «Русскому мужику тесны его пашни, и он выехал пахать звезды».

Как определил Валентин Распутин в предисловии к будаковской книге «Родина и вселенная» (Москва, 2009): «Виктор Будаков сказочно богат родиной своей, Доном-батушкой, чудодейственная вода которого насыщена какими-то особыми элементами, вызывающими в человеке отменно независимый и свободный дух...»

Необычайно могуч и многофункционален у Будакова образ горы, проходящий через все творчество писателя. Некая «внегеографическая величественная гора» описана автором в кратком эссе «Вершины и равнины». Она «как пирамида с крутыми сине-каменистыми и словно бы отшлифованными гранями; великое множество народу взбиралось вверх и скатывалось вниз, и каждый был подобен камню Сизифа, и картина была — концесветная». Герою удалось забраться выше других и «ощутить дыхание не столько небесных сфер, сколько дыхание своей гордыни». Зато каким бесконечным и «обморочным страшным было падение».

Пожалуй, наиболее ярко представлен данный образ в «Мироновой горе». Она является и безусловной «вершиной» детства писателя, и ступенью для познания дальнейшего. Философ Владимир Варавя, говоря о творчестве писателя, тоже подчеркивает, что это «место паломничества в отчий край, через который осуществляется связь с Вечностью». Именно на вершине Мироновой горы герой иным, надмирным взором увидел, как вздымаются ввысь молодые погибшие парни в белых рубашках. Да ведь это же ангелы! А с ними рука об руку — их невесты, зримое и бесплотное напоминание о недожитых жизнях и недопетых песнях...

Через образ горы писателем затрагиваются и геополитические струны — пока еще контурно возникает образ Андрея Евгеньевича Снесарева. В повествовании о замечательном генерале-геополитике присутствуют другие горы — Карпаты (к слову, по одной из версий — прародина славянства), там иная война, Первая мировая.

Гора для Будакова — вежа, маяк, путеводная звезда. Взглянув с нее, «видно во все стороны света...» — это современность. «Шлем горы Мироновой смуглел — Мономахов» — это уже взгляд сквозь времена.

Имеется у Горы и свой антипод — котлован, яма, бездна. Приглашая читателя в мир Платонова, Будаков размышляет: «Котлован же — как инообраз опрокинутой башни, как метафора низа, провала, бездны, пропасти. Башня — не колокольня, но башня — как метафора выпсренной мысли, наследница Вавилонской гордыни». Полет и падение. Высь и бездна. Как это по-русски: знать, что наверняка упадешь — и все равно стремиться вверх, срываться, лететь вниз и... не падать!

Один из персонажей повести «Трое на выцветшем снимке» признается, что любит смотреть фотографии, в которых отражены целые судьбы незнакомых. Фотографии, чаще портреты — важные композиционные, символические и метафорические элементы в творчестве Виктора Будакова, средства, помогающие раскрывать тончайшие аспекты нашего бытия.

В рассказе «Вишня» портрет отца, ставший в сознании героя сигналом к атаке настоящей, переключается с детской игрой в атаку. Между этими двумя размышлениями вместились два забега главного персонажа — один суетный, весь пропитанный мелкой гордыней, и забег второй — выстраданный, домой, к умирающей бабушке. Два сада и два портрета — бабушкин и отца, две музыки — случайный оркестр и народная песня. Сознание обжигает картина отцовской смерти, и заживляющей параллелью следуют воображаемые атаки сына-ребенка.

Известные художники — графики и живописцы В. Криворучко, С. Косенков, М. Ахунов, В. Пресняков, Л. Клочков, Г. Данич-Попов, А. Курзанов, Е. Щеглов, С. Гулевский, А. Ножкин, А. Стеценко, А. Ходюк иллюстрировали книги Будакова и запечатлевали его образ в рисунках и портретах, скульптор Эльза Пак — в бюсте. Некоторые из работ мастеров помещены в вышедшем собрании сочинений.

О художественном и нравственно-воспитательном значении творчества Виктора Будакова отзывались многие ученые-литературоведы, философы и историки. Детищем писателя является известная на всю страну книжная серия «Отчий край», о значении которой Василий Песков, знаменитый писатель-эколог, в письме к Виктору Будакову высказался так: «“Отчий край”, тобою выпестованный, — несомненное явление в наших издательских делах. Не случайно же эта идея проросла и в других местах. Все, кто сердцем остаются на черноземе, этим могут гордиться. Доброе, хорошее, умное, нужное дело!»

«Писатель понимает огромную воспитательную значимость самого слова «отчий» — от молитвенного «Отче наш» до «отчий дом» (философ и писатель Владимир Варавя). «Язык, слово, слог, стилистика, сравнение, лирическая энергетика, историческое видение... Можно найти еще несколько определений того “вооружения”, которым “опоясался” автор многих книг об отчем крае» (писатель Валерий Баранов). Академический словарь «Русская литература XX века...» отмечает, что основатель и ведущий редактор книжной серии В.В. Будаков, по сути, ввел в культурный обиход страны понятие «Отчий край» как культурную и национальную доминанту.

Творчество писателя пронизано православными мотивами. Даже его ранние произведения пятидесятых годов, когда в нашей стране официально царил атеизм, пронизаны евангельскими началами — добром, милосердием, состраданием, верой, светом. Не случайно более позднего времени духовная песня на стихи Будакова «Ангелы летели над Россией» в торжественные дни не раз звучала под сводами Храма Христа Спасителя, ее исполняют детские хоры в стране и мире.

О музыкальности будаковских поэтических произведений следует сказать особо: десятки его стихотворений положили на музыку композиторы страны. Председатель Воронежской организации Союза композиторов России, доктор психологических наук Лариса Вахтель пишет: «Вчитываясь в поэтические строки Виктора Будакова, проникаешься музыкой родного края, в которой слышен мощный гул российских колоколов и “веселый хрустко-сизый звон” бубенцов на заснеженных воронежских дорогах, напев студеных родников Дона и дорогой сердцу “шорох тревожных озяблых осин”». Стихи поэта пронизаны беспокойными ритмами времени, хранящими озорные роковые следы российской истории. В них прорываются ветры перемен и, неизменно, сияет надеждой “надречный свет зарниц”. Исконно русские образы рождаются из глубин поэтического сознания автора, отражая проникновенно лирическое своеобразие мировосприятия и, вместе с тем, эпический масштаб в понимании судьбы Отечества. Удивительным образом это двуединство мощи и интимности подчеркивает в стихах поэта неразрывность Человека и Вселенной, большой и малой Родины, истории Воронежа и собственной жизни, с детской открытостью и искренностью обнажая трагические акценты эпохи и определяя, в конечном счете, корневую основу творческого почерка Виктора Будакова... Емкость мысли, правдивость высказывания, легкое дыхание рождающейся речи, как бы свободно льющейся и в своем эмоциональном и сюжетно-образном полнозвучии, создающей ощущение неисчерпаемой силы и бесконечности. Именно эти качества в прочной гармоничной спаянности позволяют назвать Виктора Будакова одним из значительных, выдающихся поэтов современности...»

Шестой том собрания сочинений писателя («*Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира*») вызвал широчайший интерес в России и за рубежом. «Имя Андрея Евгеньевича уже восстановлено в анналах отечественной истории. Вернулся его высокий образ и вместе с ним — самобытное военно-политическое наследие, которому отныне, в других условиях и обстоятельствах, предстоит жить новой жизнью». Слова эти, сказанные Виктором Викторовичем об уроженце земли Воронежской, офицере, геополитике, ученом, православном государственнике Андрее Евгеньевиче Снесареве, как нельзя лучше характеризуют произведение.

Будаков, по его признанию, написал «поисильный труд». От этого признания веет старой литературной Русью в ее лучшем проявлении, когда смиренный автор был чужд гордыни, но относился к Слову как к откровению и таинству.

Чтобы понять Снесарева, автор начинает повествование от рождения героя на фоне событий мирового значения, изначально настраивая читателя на широкоформатное, геополитическое восприятие дальнейшего. Он называет это «параллелями-перезвонами истории», которые мы «видим» и «слышим». Эти «параллели-перезвоны» постоянно напоминают о себе: к примеру, бурно вышедшая из берегов анархия 1917 года. Волей-неволей сравниваешь с годами девяностыми и видишь во многом «братьев-близнецов». Великое опошлено, героическое осмеяно, а что не удалось осмеять и опошлить — предается забвению.

Военный мыслитель Снесарев считал, что любая призванная и способная защищать Родину армия лучше никакой — отсутствующей, ибо в незапертые и неохранные двери забредают чаще тати и разбойники, нежели добрые странники. Мы, его потомки, тому живые свидетели — забрели к нам и разбойники, и тати...

В детстве с крутобережья Дона будущему великому геополитику открывался пока еще безмятежный, величаво-спокойный и чистый мир. Дон оставил в душе Снесарева глубокий след. Тем же проникается и читатель, на какой-то миг почувствовав снесаревское ощущение, а возможно, и в чем-то разделив его.

Как человек, русский патриот и военный мыслитель, Андрей Евгеньевич во многом раскрывается через свои письма и дневники, которые являются неотъемлемой частью будаковского повествования. Их строки сохранили сокровенные мысли Сне-

сарева, они адресованы самым близким людям; в дневниках и письмах — слово правды и справедливости. Страшные и трагические времена выпали на долю героя книги: мировая война, крушение империй, революционные бури. Тогда люди больше теряли, чем находили.

Дополняя мысли своего героя о России, автор говорит о ней как о странной стране, где даже у пострадавших от государства государственный взгляд невытравим, где соборное предпочитает собственному, личному. Размышляет Будаков и о поражении русского пафоса «в сложной гамме чувствований воодушевления, жертвенности, чести, стыда, совестливости, виновности перед страдающими, которых так много на родине и в мире». Но поражение подразумевает и что-то торжество. Согласно писателю, это торжество нерусской иронии. Русским едва ли свойственна ирония, равная анекдоту. У русских — верность родной земле, Родине, которая не изменяет и не предает...

Виктор Будаков убежден, что хотя снесаревское наследие приходит к нам сравнительно поздно, оно «имеет прямую обращенность в будущее». Увековечивание имени великого геополитика, военного мыслителя, ученого стало настоящей авторской страдой. Писатель находит, что личность Снесарева и поныне должным образом недооценена, хотя, справедливости ради скажем, что его фундаментальное повествование о Снесареве не только широко читается, но уже изучается и осмысливается в военных училищах и академиях; на него откликнулись такие издания, как «Литературная газета», «Завтра», «Московский литератор», «Коммуна», «Берег», «Воронежский курьер», «Вперед», «Воронежский Университет», «Евразийский форум», «Воронежский телеграф», журналы «Родина», «Наш современник», «Военно-исторический журнал», «Невский альманах», «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта», «Планета-земля», «Подъём» и другие.

Следует упомянуть и об известных людях, высоко оценивших будаковский труд о Снесареве, — это ученый, выдающийся математик двадцатого века, академик, историк И. Шафаревич, писатели В. Распутин, В. Крупин, В. Лихоносов, В. Перегудов, поэты Ю. Кублановский, Д. Кан, С. Куняев, философы, литературоведы, историки А. Тахо-Годи, В. Троицкий, В. Варава, В. Положенцев, Е. Гуськова... Журналист и поэтесса А. Жидких назвала будаковское повествование о Снесареве «энциклопедией русской жизни» (сознательно и ответственно позаимствовав это определение у Белинского, так назвавшего пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин»). Как бы подытоживает многочисленные высокие оценки благодарственное слово внучки военного мыслителя А. Комиссаровой (Снесаревой): «Уважаемый Виктор Викторович! Перечитала Вашу новую книгу, посвященную деду, — “Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира”. Подобная биография героя, анализ писем, дневников, научных и педагогических его трудов, широкая панорама времени — конца XIX — начала XX веков, активная личная позиция писателя, его внутренний мир, пересекающийся и зачастую совпадающий с миром героя, открываются в произведении, не оставляя читателей равнодушными. От имени потомков Андрея Евгеньевича Снесарева позволяйте выразить Вам благодарность за Ваш замечательный труд. Среди других произведений, посвященных жизни и деятельности Вашего земляка, книга “Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира” займет видное место.

Кто знает, что будет с Россией в будущем? Возможно, внешне она станет другой. Но только внешне, ибо Снесарев (в авторском видении) и нам, и тем, другим, сказал: «Надо видеть Россию такой, какою Бог дал ее на мгновенье в небесной ипостаси как Русь Святую... Как прекрасна наша родина! Была, есть и будет, вечная страдалица и героиня, жестокая и милосердная, земная и Небесная».

Седьмой том (*Страницы об отечественных писателях*) — пример просветительства Виктора Будакова. В этом томе зримо ощущается органичная связь с предыдущими и последующими. А между тем — это том совершенно особый, своеобразный;

и по справедливости будаковские книги, предшествовавшие этому тому и в него вошедшие — «Родине поклонитесь», «Подвижники русского слова», — многие педагоги-литераторы называют настольными книгами для учителей русского языка и русской литературы.

Содержанием и настроением тома, по мнению Виктории Стручковой, является связь писателя и родной земли, а в историко-культурном контексте России Виктор Будаков являет собой образец русского писателя. Он долго шел и продолжает идти к этому. На протяжении десятилетий его взгляды принимали порой несколько иную ударность, но вечное и космическое, чувство сопричастности родины малой и большой просматривается всегда. И это кредо автора.

«Именная» книга о русских писателях... Будаков не мог не написать такой книги. В связи с этим член Союза журналистов, заслуженный работник культуры России Иван Абросимский подчеркнул: «Ведь прежде чем писать, надо было самому подняться до понимания вершин, взятых предшественниками, и времени, в котором они жили, а потом сказать о них свое, незаемное слово». Такое слово писателю сказать удалось. «Именная книга» — это поэзия в прозе, своеобразный мемориал русским классикам — шире — русской литературе, в котором счастливо сочетались дар просветительский и писательский, духовное служение своему народу.

Порой в нескольких строчках Будаков обнажает суть творений писателя, их портреты оживают, входят в пространство того и нашего времени. Галерея представленных известных и малознакомых литераторов разнообразна по палитре. Как наша бескрайняя страна. Открыты новые имена, а в именах известных выявлены незнакомые доселе грани. Карамзин, Жуковский, Боратынский, Хомяков, Даль, Некрасов, Терпигорев, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Толстой, Лесков, Пришвин, Блок, Есенин... — о каждом новая мысль, новый взгляд.

Перед нами словно парит геликоптер, раскрывая объемную панораму — от страны до выпукло-рельефного Черноземья, — органично вплетенную в повествование... Но геликоптер — робот. Здесь же творение человека.

Доктор философских наук, писатель Владимир Варава, рассуждая о страницах, посвященных подвижникам русского слова, подчеркнул: «Русские писатели все равно что святые для русского человека. Мы верим вместе с Виктором Будаковым, что рассеется душевный мрак, восторжествует правда — правда жизни, бытия и культуры». Это — словно противостояние нахлынувшему общественному беспамятству и низкопробной литературе.

Писательский труд есть духовное делание. И причем здесь эпоха? Спокойный XIX или бурный XX век? Для настоящего писателя это не преграда, ведь «стены между веками нет». Дело не во времени, не в обстоятельствах. Конечно, они бывают разные. Дело в том, что нас пытаются убедить, да порой и сами повторяем, как мантру, что мы — Иваны, родства не помнящие. Но разве книга Будакова не свидетельствует об обратном?

Все без исключения эссе писатель пропустил через свое самобытное видение, чувствование и понимание. Создан мир особый, ни с чем несравнимый. Но он не отделен и не очерчен от иного, привычного нам мира. Он — плоть от плоти его, и слова «жажда познать мир до растворенности в нем» о Ломоносове подчеркивают это. Проникновение в саму ауру той эпохи звучит в вопросе автора: а так ли было при Михаиле Васильевиче? Вопрос, на который писатель отвечает своим рассуждением о поэзии Рылеева, о гении Пушкина и того же Ломоносова. Будаков говорит о звуках, которые «брались ниоткуда и уходили в никуда. И все это было словно бы движением времени вспять...» Что это, как не зримое проникновение во время?

О любом поэте и писателе Виктору Викторовичу есть что поведать — свое, его сердцу и разуму свойственное. Будь то грустно-лирический сказ о Кольцове, о неприязни «торгашеской логики» поэтом-философом Боратынским или размышление о

соединении евангельского и простонародного у Державина. И о Сергии Радонежском, и о Тихоне Задонском писали немало, но Будаков в слове о великих религиозных подвижниках стал неким сканером сути их явления. Через размышления об усадьбе Тютчева — боль за брошенные крестьянские земли: «Вселенная и отчий край — родина долгой боли, труда, радости, надежды...» Подобный рефрен не раз встречается в других будаковских произведениях.

Поэты, писатели и мыслители... Всех их объединяет животрепещущий нерв, который Будаков пропускает через себя в разных вариациях: через свой педагогический опыт, через встречи с родными и потомками «подвижников русского слова», через обращение к миру усадеб. Об усадьбах писателем сказано особое слово. Это малая родина и в то же время целая маленькая вселенная, сопрягаемая с Вселенной большой. Писателю будто удалось разомкнуть Время и Пространство во все пределы.

Но есть истоки. Они тоже бывают разные. Воронежские корни-токи в родословных Чехова и Афанасьева. Поэтическая красота и горькие реалии малой родины Добролюбова, есенинское Константиново... Будаков открыл известный и в то же время новый материк русской литературы, ведь, по мысли автора, «...большие писатели — художественные вселенные, и нет весов для них». Во взгляде на дом Мельникова-Печерского — попытка соединить прошлое и настоящее, некий незримый переход и в то же время соединение в одно целое. То же можно сказать о Никитине в понимании Будакова: «Прошлое и настоящее — как два крыла летящей птицы. Что одно без другого? Прошлое со своими погостами и преданиями перетекло в нынешний день, полный печалью и радостями...»

Прочитывая Будакова, невольно — а может, и осознанно — задумываешься над своими поступками, устыдясь или раскаявшись, и начинаешь переосмысливать свой путь. Читаешь очерки о писателях — незаметно, ненавязчиво и плавно будто перемещаешься во времени. Не покидает чувство единства и общего, как дорога Левитова. Не только. Еще — дороги памяти, течение реки, железная дорога... Последняя — «часть бытийного крестного пути, как у Булгакова...»

О творчестве поэтов, писавших о железной дороге, писатель создал отдельный цикл «Зеленые огни на дальних перегонах». Поэты и путь-дороженька — это неразрывное. Они бывают самые разные, всяко выражены, как, например, в поэтическую даль устремленные глаза Фофанова на репинском портрете. «Зеленые огни...» можно назвать своеобразным путеводителем, но не сухо-справочным, а расцветченным фактами и событиями. К примеру, по-новому раскрыта личность Кукольника, открывшего поэтическую дорогу (Дорогу!) Никитину. Это плоскость земная. Но вот строки Бенедиктова, воспарившие, по словам писателя, в «космические выси». Или Русь Клюева и Полетаева с соловьями и железнодорожной техникой. Вдумываясь в то, что нам сказал автор, начинаешь понимать, как с течением времени меняется отношение поэтов к железной дороге, через которую они показывали мир свой и мир вокруг нас.

«Благодатный край творящих» — о родных нам поэтах и мыслителях, рожденных или проживавших в Черноземье. Глубоко и прочувствованно рассказано о Ростопчиной, строки которой, по мнению Будакова, — космической наполненности и «словно бы написаны сегодня...» По выражению автора, подобные ее стихи — «загляды» в нашу современность. Барельефный, ощущаемый физически образ Костомарова, дорога которого вдоль Дона — словно «дорога вглубь Истории». Цитируя мыслителя Данилевского, Будаков выражает солидарность: «Только сейчас многие из нас вполне осознают пророческие предостережения Данилевского насчет “опаснейшей болезни подражательности”, когда властью, антипатриотическим кругом интеллигенции движет “трусливый страх перед приговором Европы, унижительно тщеславное удовольствие от ее похвал”».

В произведениях Будакова, составляющих восьмой том (*Публицистика, исторические страницы, путевые заметки*), — возвращение к некоторым темам томов пре-

дыдущих, но на ином витке; академический словарь «Русская литература двадцатого века...» наполнение тома определил как идею триединства: Отчий край — Отечество — Вселенная, развивающаяся в прозе, стихах и публицистике Будакова.

В «Государевой страде» — повествовании о Петре Первом — писатель не принижает и не возвеличивает самодержца, однако авторское отношение даже не лично к Петру и только — к событиям и последствиям через призму личности и деяний царя-преобразователя, безусловно, присутствует. Петр у Будакова «страдает и карает», в нем клокочут «противоположные энергии строительства и разрушительства». Удивительно сочетание «того» и современного языков при полном погружении в прошлое, так что для нынешнего человека становится близка далекая от нас эпоха. Причем не через стекло условного погружаемого в прошлое батискафа, не стороннего наблюдателя. Образность языка, как, к примеру, взгляд-картинка-зарисовка воронежской верфи, лишь усиливает подобное восприятие. И вопросы... Но более — размышления. Не черно-белые, рубящие суждения, но — разноцветье с запахом и привкусом прошлого. Как сама жизнь во всей ее многогранности. Пусть не покажется парадоксальным, но целая россыпь преданий сообщает больше историчности яркому срезу событий петровского времени, а призывание «во свидетели» поэтических имен Пушкина, Рылеева, Никитина подчеркивает значимость нашего края в общей истории страны.

Повесть об орловском рысаке «Подкова на счастье» тоже можно отнести к историческому повествованию. Но не только. Ее начало сразу же заставляет созерцать космос и настраивает на особый лад. Как и царь Петр, «отец» орловского рысака граф Орлов противоречив: «Словно бы двое Орловых живут в одном Орлове — состояние, характерное для многих даровитых русских людей и для русского человека вообще: словно бы незримый и зримый поединко языческого и христианского, низкого и высокого, жестокого и милосердного, гордынного и смиренного, мрака и света».

На фоне эпох и событий произведение изобилует словами, гранями и отдельных личностей, и русской жизни — «Крепостной, но не закрепощенный», «Праздничная, но не праздная...» — размашистые определения, словно сам конский бег.

В начале повествования — конь и космос. Заканчивается так: «Приречный луг под звездным небом. Космический спутник пронзает небесную высь. И на холме — мальчик, зовущий коня...» Начало и конец. Будущее. И — вечность.

Какое оно, будущее? Оно разное. Многогранное и многообъемное. Как и прошлое. «В двадцатые годы, в бытность губернским мелиоратором, Андрей Платонов не однажды бывал в пойме Черной Калитвы и в прилегающих к ней слободах; сердце не могло не обжечься о горячие угли крестьянской, народной беды...» Так о судьбах крестьян мог написать тот, кому все это близко. В штрихах и зарисовках — характеры и разные взгляды. Не категоричность, но — полутона... И над всем этим пульсирует и кровотоцит нерв революции — страдающая деревня! Автор призывает к размышлениям и полемике через факты, боль и раздумья. Народный плач, который Будаков вобрал в себя. «Судьбы крестьян» — не только плач и боль, это и предупреждение-призыв: не надо крайностей! А что надо? Мир и согласие в человеческой душе. Любовь и милосердие. И целый каскад авторских вопросов — что спасет мир? Красота? Доброта, то есть красота нравственная? Совесть? «Мы живем так, словно надеемся прожить три жизни, или словно завтра мир рухнет; исходный посыл один: живем словно бы начерно, надеясь повиниться в другой раз. Но жизни набело ни у кого не будет...»

Реквием и эпос соединилось в повести-печали, повести-героике «Плацдармы памяти». Панорама, наполненная горькими и героическими красками войны, раздумья о Памяти и памятниках, в которых нет места мертвой символичке. Отсюда и связь, и восприятие цепочкой поколений такого явления, как война.

Во всех произведениях автора присутствует разное — и многоплановость. А еще —

панорамность, чувство причастности к вечности в родных местах, выраженное на генетическом уровне в тысячелетней ленте ощущения себя славянским воином из Игорева полка, монголом или его противником русским, через век спешащим на поле Куликово, гунуэзем, казаком...

Или вот. Писатель — еще маленький мальчик. «В комнату заглядывал свет. Тогда это был свет солнышка летнего, не жаркого, утреннего. А были еще и багровые сполохи пожара, когда в родном Нижнем Карабуте стгорело пол-улицы. И, может, из Хиросимы все еще гибельно струился мертвенный свет». Или строки — словно из русской сказки в современном восприятии: «В окно заглядывали солнце, луна, звезды, наверное, вся вселенная».

Те же мотивы присутствуют в летописной, со своей неповторимостью «Уездной Руси». Провинция — это целая вселенская культура. «Нам всем, так или иначе воздействующим на бытование провинциальной культуры, искренне озабоченным судьбами России, родины малой и большой, надо быть не разрозненными, а объединенными». В словах Будакова «малая» звучит как «милая», с ноткой грустных размышлений о потере памяти земляками, о не созданных музеях, о закрытии сельских школ и библиотек, о ложном образовании, о подмене настоящим! Но несмотря ни на что провинция жива! Люди отличают правду от лжи, полуправды и псевдоправды, а спасение — в нас самих, верящих и строящих храм. Строить храм можно быстро. Куда труднее строить храм в обезбоженных наших душах...

Зарисовки-размышления «Зримые и небесные поля славы и скорби» рассказывают о ратных полях России. Будаков — человек, помнящий военное лихолетье, — о полях Куликовом, Бородинском и Прохоровском пишет не в бравурных тонах, но в тонах вечной памяти о павших. На фоне жизни вечной. Все оживает в волшебной ночи великого поля. Давайте прислушаемся: вместе с автором на поле Куликовом мы слышим битву и века четырнадцатого, и века двадцатого. «Они выстояли, эти солдаты, ибо стояли на земле, просившей отмщения, и души их были горьки от детских слез, от плача женщин, от скорби стариков на пепелищах...» Это уже Обоянь, уже Великая Отечественная.

«Просторы и версты долгих столетий» есть настоящий гимн славному Дону, прошедший через творчество наших поэтов, воспевших Дон и создавших его многомерный образ. Виктор Будаков не дополняет — вписывается своими строками в гимн великой реке, а его слово о Доне — словно один из притоков мощного поэтического потока.

«От села — к селу, от судьбы — к судьбе...» — один из главных рефренов «Путевых заметок» о Польше, Чехии, Моравии, Беларуси. И не только. Они написаны давно, когда страны соцблока дружили. В наше время отношения, увы, иные. Но уже тогда Виктор Викторович призывал не разобщаться, а соединиться! «Славяне, не славяне — все / в любви, в добре соединитесь!» Дорог славянский, православный мир едва не каждому большому русскому писателю — от Пушкина и Тютчева до Распутина и Лихоносова. Три уклада среды, в какой Будаков рос: русский, украинский, казачий, — сказались не только в его творчестве, но и привели к размышлениям об общеславянской тематике. Музей в Нижнем Карабуте, экспозиция в Воронеже, в городском лицее № 8, постоянно действующая экспозиция в городской библиотеке-музее им. П.Д. Пономарева «Я счастлив, что славянским словом / раздольно песенным крещен» дают обширное представление о внимании писателя-земляка к славянскому вопросу.

В «Именах славянского мира» у писателя созидательная славянская культура неотъемлема от ареопага культуры всемирной. Кирилл и Мефодий, Франциск Скорины, Григорий Сковорода, уроженцы земли Воронежской... По-другому и быть не может, ибо «великий язык, на котором народ размышляет и говорит о Боге, молится Вседержителю, уже есть язык божественный».

По словам Будакова, он — книжный пахарь, который познал, как выращивать «книжную рожь» от начала до конца; как бороновать, как сеять, растить и пожинать ниву. Это камертон очередного, девятого тома (*Книга, литература и жизнь*). Книги всю жизнь сопровождают писателя. Рассказывая о своей детской библиотеке, о школьном и студенческом отношении к классике, он делится важным: «Главная аудитория — вы сами», когда «библиотеку выстраиваешь ты, а она — тебя». Действительно, «библиотека — один из последних плацдармов нынешней эпохи, где идет борьба за то, чтобы человек остался человеком».

Послужит наглядным примером для молодых и начинающих поэтов отношение Виктора Викторовича к собственным ранним стихам, где «...содержание терялось за пестрыми ритмами и интонациями». Автор задает вопрос — ответил бы он за свои стихи? Стоял бы за них до конца? Не щадит он себя по отношению к некоторым своим произведениям шестидесятых-семидесятых. Хотя он уже тогда отступал от указующих «рамок». Иначе быть не может, ибо «стыдно, совестно — без этого не может быть писателя». Метания его дум — срез мыслей, чувств, переживаний. А зачем тогда вообще писать? Зачто полемизировать, автор прошелся по «новаторам» литературы в перестроечное время, сравнил вечную классику и современную глянцевою и ничемную пестроту, подмену книг интернетом, где часто «человека в его высоком значении нет! Есть пользователь, “глотатель пустот”, раб всемирного блогера, жалкая поросль электората». И вновь вопрос: не окажемся ли мы окончательно в плену подмен?

Глас писателя — не иначе — о неизданных книгах и утерянных рукописях, ведь «книга — среди хлеба духовного. Но она не произрастает, как хлеб насущный. У нее свой посыл. Он таится в слове, в памяти, на вершинах и долинах жизни-реки».

Казалось бы, в предыдущих томах о писателях сказано немало. Но как мастер, дорабатывающий свое полотно, Виктор Викторович находит новые штрихи и оттенки в яркой палитре размышлений о писателях в «Именах...», ибо нет законченности в этих портретах. И никогда не будет.

Дорога-познание — от китайцев Ли Бо и Ду Фу, через Вергилия и Заратустру, Омара Хайяма, Петрарку, Аввакума до наших современников. Будаков сумел рассмотреть «в капле океан, с холма родного обозреть весь мир, у отчего порога почувствовать дыхание Вселенной». Дорога необъятна — Томас Манн, Стефан Цвейг, Эрих Ремарк, Ричард Олдингтон, Томас Элиот, Франсуа Мориак, Альбер Камю, Рэй Бредбери, Шервуд Андерсен, Уильям Фолкнер, Джон Стейнбек, Томас Вулф, Хулио Кортасар, Хосе Артедас, Габриэль Маркес, Мигель де Унамуно, Хорхе Луис Борхес... Будаков, говоря о каком-либо писателе, порой через его же высказывания, задает вопросы. Например: «Поиск верного слова? Поиск верного друга? Поиск родного пространства? “В поисках утраченного времени”? Поиск смысла жизни? Поиск правды и справедливости? Поиск горнего?»

«Всегда, приближаясь к славе, отдаляешься от Бога».

Через заметки, полемику, примеры писательских мыслей и поступков раскрываются самые разные оттенки человеческого бытия.

«Кто мы, не пошедшие в услужение темной силе мировых финансовых, информационных, политических верхушек, — “Отверженные”? “Униженные и оскорбленные”? “Унесенные ветром”? “Рожденные бурей”? “Непокоренные”? “Живые и мертвые”? “Вечно живые”?..»

Геометрически живым сооружением предстало перед нами здание под названием «Мировая литература» в «Записках читателя». Через россыпь имен мировой литературы автор в очередной раз раскрыл свое восприятие и понимание мира.

Постоянный рефрен о сопричастности большой и малой Родины, параллели, связи, аналогии, отголоски и... неповторимость каждого. В рассуждениях о французском писателе Андре Мальро лимб — круг, роковая черта, порог инобытия, метафизическое врата бесконечности и вечности.

Шедевры отечественной литературы от «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» объединены в серии «Отчий край» патриотическим и гуманистическим звучанием. Отчий край — «образ-космос, открытый мировым тревогам и стихиям Родины, которая подобно широкой реке впадает в океан всемирной истории». И если бы — делится писатель — в серию вошли иностранные писатели, тогда бы в понятие «Отчий край» вошел весь мир в единстве неповторимых малых родин. За этой книжной серией в других регионах пошли подобные, что стало картиной общерусского литературного движения.

Разнообразный и красочный литературный мир Воронежа представлен в «Земляках-современниках на литературной ниве». Евгений Новичихин, Виктор Чекиров, Иван Евсеев, Станислав Никулин, Виктор Акаткин, Виктор Перегудов, Иван Щёлок, Николай Белянский, Юрий Кургузов, Сергей Луценко... О каждом из них сказано предельно честно, от души и прочувствованно. Подвижнический подвиг Александры Жигульской, или чуткое знание детской психологии Владимиром Добряковым, или по-разному сложившиеся судьбы Евгения Титаренко, Евгения Дубровина, Василия Белокрылова...

Неповторим раздел «Из выступлений разных лет. (Воронеж, область, страна)», в которых представлена сохранившаяся часть выступлений писателя в разных уголках страны. Это как бы усеченный вариант запечатленной в письменном слове обширнейшей авторской тематики, где снова и снова проступает то, к чему на протяжении жизни устремлялись душа и мысль писателя: отчий край — малая и большая родина — планета — Вселенная, война на территории родного края и в истории человечества, духовный ареал человека, великие имена родного края, чье творчество вошло в сокровищницу мировой культуры.

Своеобразным продолжением-ответвлением «Отчего края» стали «Творческие фамилии Черноземного края», где предстает целая галерея наших земляков: поэта Владимира Раевского, «нетеатрального» актера Михаила Щепкина, военачальника и автора мемуарных книг Муравьева-Карского, «русского Леонардо да Винчи», инженера, ученого Владимира Шухова, языковеда-слависта Афанасия Селищева, поэта Евгена Плужника, художников Василия Криворучко, Владимира Преснякова, Натальи и Александра Ходюк, скульптора Ивана Дикунуова...

В различных интервью «О прошлом, настоящем и будущем» писатель делится планами, рассказывает, что удалось из задуманного, а что — нет. Вскрывается подоплека его произведений, раскрываются мысли и замыслы, и снова, и снова — развитие его излюбленной мысли, главного наполнения его души и сердца: человек — отчий край — малая и большая родина — планета — Вселенная.

Подвижническая миссия Будакова — в единстве его слова и дела, жизни и ее художественного осмысления и воплощения. В 1963 году он окончил историко-филологический факультет Воронежского педагогического института и преподавал литературу, историю, русский и немецкий языки в чеченском селении Валерик. В 1965-1969 годах работал в воронежской областной газете «Молодой коммунар», а в 1969-1986 годах являлся редактором Центрально-Черноземного книжного издательства, осуществив выпуск тридцатитомной литературной серии «Отчий край». С 1966 — член Союза журналистов СССР, с 1979 года — член Союза писателей СССР. На основе разработок писателя в 1994 году учреждается Центр духовного возрождения Черноземного края, три года Виктор Викторович — его первый директор и главный редактор. Позже несколько лет возглавлял Воронежский областной литературный музей имени И.С. Никитина, передал в дар музею и библиотекам города и области более пяти тысяч книг. В разные годы он избирался в правление Союза писателей России, депутатом Воронежского горсовета, председателем Бунинского регионального комитета; возглавлял межобластной редакционно-издательский совет, комиссию по литературному наследию поэта Алексея Прасолова; был членом коллегий ряда россий-

ких журналов, Воронежской городской комиссии по историко-культурному наследию...

Виктор Викторович часто выступает в библиотеках, в школах, техникумах, вузах, рассказывая об исторических судьбах родного края, его духовно-культурном наследии. Он лауреат российских литературных премий им. И.А. Бунина (Москва–Орел, 1996), «Имперская культура» (Москва, 2003), им. А.Т. Твардовского (Москва–Смоленск, 2004), им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» (Москва–Брянск, 2007), Платоновской премии администрации Воронежской области (2001), премий Воронежского отделения Союза писателей России «В прекрасном и яростном мире» (2008), журнала «Подъём» «Родная речь», Союза писателей России «Слово». В.В. Будаков — член-корреспондент Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры (Москва), Международной Кирилло-Мифодиевской академии славянского просвещения (Москва), академик Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), действительный член Русского географического общества, почетный профессор Воронежского государственного педагогического университета.

Есть в девятом томе раздел «Замыслы, проекты, дела», в котором абрисом даны замыслы и свершения Виктора Будакова, где не только рассказывается о реализованном (книжная серия «Отчий край», акции в защиту природы, памятников истории, культуры, Великой Отечественной войны, открытие музеев и мемориальных досок, увековечение полузабытых имен в книгах, названиях улиц, библиотек), но и вновь и вновь писателем повторяются мысли и ходатайства — о всероссийском празднике «Воронежская литературная осень», о межобластном Бунинском литературно-этнографическом заповеднике, о Славянском доме в Воронеже, об экспозиции «Литераторы-воронежцы двадцатого века» в областном Литературном музее имени И.С. Никитина, об издании «Энциклопедии Великой Отечественной войны на территории Черноземного края», Веневитиновского, Бунинского, Платоновских словарей, о выпуске в свет Духовной библиотеки Черноземного края (труды Тихона Задонского, Е. Болховитинова, В. Аскоченского, А. Хомякова, Леонтия (Лебединского) Феофана Затворника, Дмитрия (Самбикина), Н. Данилевского, о. Сергия Булгакова и других).

Важное не только в девятом томе, но и во всем творчестве Будакова — «Строки. Краткие записи о разном». Составитель и автор аналитических комментариев десятилетия Виктория Стручкова пишет: «В собрании сочинений предшественниками “Строк”, с весьма скромным подзаголовком “Краткие записи о разном”, стали краткостишия “Листья”. Теперь же автор выносит на суд читателей свои философские мысли, суждения, наблюдения, изложенные на языке прозы. Во время работы над этим томом Будаков как бы нанизывал на тематические стержни, извлекавшиеся из блокнотов разных лет записи, дополнял новыми. Если в “Краткостишиях” подборки на какую-либо тему отделены цифрами, то здесь записи делятся на главы с названиями, раскрывающими их содержание, и, судя по ним, уже можно сделать вывод, что “Строки” отличаются фундаментальностью, антологическим наполнением, так как их автор размышляет практически обо всех сферах жизни человека, общества, государства; совмещает бытийное и бытовое, духовное и физическое. Для примера несколько названий глав: “Бог, Церковь. Грех, благодать”, “Война и мир”, “Любовь, верность, неверность”, “Революция и революционеры. Эволюция и консерваторы”, “Театр, пересмешничество, игра”. Каждый из них, а подчас отдельная будаковская философия заслуживает детального осмысления, подробного комментария, что непременно должно осуществиться в будущем. Но все же следует перечислить идеи-доминанты, которые определяют жизненный и творческий путь Виктора Будакова: видение мира в триединстве времен; восприятие каждого человека как неповторимой вселенной; ощущение вины за несправедливость окружающего мира; понимание ложности побед на трагическом пути истории; отношение к успеху и успешности как своего рода греху; собирание островков добра в единый материк; вера в метафизическую вечность России.

Философемы повторяются на стыках, переплетениях литературы, истории, философии, религии, политики и геополитики, педагогики, экологии, искусства... Налицо энциклопедические знания Виктора Будакова, его умение находить свидетелей, единомышленников, союзников по определенному вопросу, равно как и антагонистов. Они из разных стран и разных эпох, начиная с античности, — поэты, писатели, историки, философы и религиозные мыслители, государственные деятели, ученые, мастера культуры, помогающие автору отобразить многоплановую картину бытия. Только по поводу «сияющего града на холме» — Америки, якобы несущей миру демократию и ради ее продвижения готовой свергнуть мир в inferнальную бездну (глава «Явь и мифы демократии и свободы»), писатель цитирует или делает ссылки на Фенимора Купера, Пушкина, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Диккенса, Ивлина Во, Достоевского, Снесарева, Бодлера, Мелвила, Ницше, Марка Твена, Фрейда, Бодриера. (Надо подчеркнуть, что при всем обилии ценимых Будаковым великих имен, первое место среди них всегда занимал и занимает «всепроницательный» — таково авторское определение — Пушкин). Две главы имеют существенные отличия. Содержание главы «Быт и событийное» можно охарактеризовать как подборку разнотематических жанровых зарисовок, иногда напоминающих случайный кадр, в чем, видимо, сказался былой опыт Будакова-фотокорреспондента. В главе, названной «Краткострочия», писатель предстает в качестве автора афоризмов. Этот некогда жанр высокой литературы современными каламбуристами-юмористами низведен до уровня шоу-забавы для непритязательной публики. Что касается будаковских афоризмов, то они по краткости, остроте мысли близки к классически образцам афористики.

«Строки» Будакова, вероятно, будут восприняты неоднозначно. Неприятие может вызвать его критическая позиция по отношению к либерализму, современным извращениям в искусстве, женскому «наступательному» сверхравноправию. Но не это волнует писателя. Его сегодняшние устремления — пробудить мысль, вернуть к подлинному Слову обладателей «клипового» сознания, любителей дешевых комиксов, потребителей, одурманенных парами западной массовой культуры, и таким образом делать главное — очеловечивать мир».

Немаловажная жизненная тема в творчестве Будакова выражена в «Снах у великой реки», которые печатаются впервые. Они предстают как некий особый жанр, хотя сны как таковые сопровождают писателя всю жизнь, они и прежде нашли отражение во многих рассказах, стихах, повестях.

Десятый том (*Человек, семья, страна, человечество*) — состоит из публицистической повести «Течет вода, и утекает жизнь», проникновенного, честного и мужественного рассказа о семье и роде «Откуда и куда идущие», рассказа-не рассказа «Читающий Евангелие от Иоанна», повествования-абриса «Век неповторный, срок твой земной» — бликов-воспоминаний о жизни отдельного человека, неотделимой от жизни страны и всего человечества, представленной на фоне эпохи.

Повесть «Течет вода, и утекает жизнь» автор определяет как повесть-мозаику с не связанными между собой сюжетами, и все же они связаны, и мозаика Будакова складывается в удивительную картину; не по изображению — по лирико-элегическому тону; с долей грусти, со светлыми щемящими воспоминаниями. Обыденные, казалось бы, события, как, к примеру, в миниатюре «Не в тот дом попал», исполнены философского смысла.

Необычным и полноправным персонажем в повести-мозаике выступает посох. Он разнолик и многофункционален. Посох-поводырь, посох — проводник по планете, сквозь пространство и время, посох — неотъемлемая часть природы, посох родины, мира, посох горящий... Посох ведет в сказочно-реальное царство литературы... Посох до середины пути — к старости, к памяти — в детство!

И вновь — о емком и образном языке автора. Что может цвести? Цветы, весна, природа — да много чего. А у писателя зловеще цветут осколки войны!

Будаков часто пишет с обнажающей исповедальностью. Во многих произведениях автора разные герои и персонажи — частичка его самого. Показателен в этом смысле «Читающий Евангелие от Иоанна» — рассказ-не рассказ, скорее — нравственный, исторический, философский выплеск разума и сердца, мужественно бросающий слово правды, чести и совести наступающему апостасийному, расчеловечивающему «цивилизованному» миру.

Когда читаешь Виктора Будакова, ловишь себя на мысли, что что-то подобное происходило и с тобой тоже. Сомнения и покаяния. Не успел, не сделал, обещал, не выполнил... во многом подобными настроениями пронизаны «Откуда и куда идущие». А глубже — это драма и песнь о семье, о роде, о родине.

Самые разные события, начинающиеся от «дорождения» или предрождения, показаны в глубоких многоцветных бликах воспоминаний «Век неповторный, срок твой земной», где соседствует нежность и грусть, маленький, казалось бы, событие неразрывно связано с мировой вселенской общностью. Картинки, зарисовки, штрихи, мысли, аллегории — все это вместе переплетается и создает объемную стройность.

Семейные события перемежаются с событиями национальными и даже общими. И в который раз — дороги, дороги, дороги... Воронежские вехи, картины, лица, а затем — дальше, шире, глубже... Встречи с родными и близкими геополитика Андрея Снесарева, писателей Михаила Пришвина, Андрея Платонова, поэтов Сергея Есенина, Бориса Корнилова, писателями Федором Абрамовым, Иваном Акуловым, Леонидом Леоновым, Виктором Розовым, Александром Солженицыным, Александром Стрижевым, Игорем Шафаревичем, служебные командировки и поездки по стране и миру, впечатления и зарисовки, размышления об отчем и всемирном.

На литературной карте России Воронеж значим великими именами Алексея Кольцова, Ивана Никитина, Ивана Бунина, Андрея Платонова... Можно назвать имена из более позднего времени, получившие всероссийскую известность. Это Николай Задонский, Владимир Кораблинов, Гавриил Троепольский, Юрий Гончаров, Анатолий Жигулин, Алексей Прасолов. В произведениях каждого из них есть сильная, преобладающая сторона. У Задонского и Кораблинова это — историческое чувство, способность проникать в былые века. У Троепольского — любовь к братьям нашим меньшим, от собаки до птицы. У Гончарова — изображение войны и память о ее победах и поражениях. У Жигулина — ярко выраженное чувство Родины, рядом с которой запечатлен человек в трагических обстоятельствах войны, неволи, лагерного режима. У Прасолова — философичность лирики.

В писателе-просветителе, поэте, историке, философе, публицисте Викторе Будакове счастливо сочетаются многие эти начала.

Валентин Распутин свое предисловие к книге Виктора Будакова «Родина и Вселенная» завершил так: «Автора этой книги хочется цитировать вновь и вновь — настолько он точен, выразителен и красиво убедителен в языке и выводах. Он мастер и в стихах своих, и в художественной прозе, и в этой работе, обозначенной им как “лирические страницы”. Лирические, но и тревожные; одухотворенные, но и назидательные; страницы “одной, но пламенной страсти” и беспредельной любви к своей отчизне, но любви деятельной и плодотворной. Низкий поклон ему за этот труд».

Цитированием этих слов выдающегося русского писателя о нашем земляке завершим и мы свой экскурс в многотомное собрание сочинений Виктора Викторовича Будакова.